

собственные страсти, что может произойти и с каждым в отдельности, а местоимения служат для сообщения другим наших идей (разрядка моя.— Л. С.) о тех вещах, которые или мы не умеем назвать, или другие не умеют нас понять» (174, 175). Таким образом, аффективные слова (междометия) — это только реакция, ответ на внешний раздражитель, как бы высказывание в диалоге человека с природой, еще не ставшее сообщением. Как только звук становится средством «сообщения другим наших идей» (коммуникация), он объективируется, проецируется на внешний мир. Иначе говоря, у слова, как мы теперь сказали бы, появляется рефлексивная функция, которую выполняют местоимения. «Роль этих знаков,— пишет Бенвенист в статье „Природа местоимений“,— заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь», и отмечает далее, что «язык разрешил эту задачу, создав серию „пустых“ знаков», которые соотносятся не с «реальностью» и не с «объективным» положением в пространстве и времени, а со своим собственным употреблением, с «единственным каждый раз актом высказывания»²⁷. В формулировке Вико эту «языковую задачу» человек решил, образовав местоимения, и приступил к решению следующей задачи, связанной как раз с оформлением «объективного положения» вещей пока что только в пространстве. «Позднее стали образовываться частицы; большая часть из них — предлоги» (174). В подтверждение того, что обозначение отношений вещей сначала в пространстве, а затем и во времени предшествует называнию вещи или процесса²⁸, Вико приводит то «вечное свойство», что и в предложении частицы «предшествуют именам, которые их требуют, и глаголам, с которыми они соединяются». Затем «мало-помалу образовывались имена», иными словами (продолжая аналогию Бенвениста), «пустые» местоименные формы превратились в «полные» знаки, значение которых уже не привязано к конкретному акту речи. Процесс формирования речи завершается образованием глаголов. Природа и значение глаголов (семантика) очень сложные, «их чрезвычайно трудно понять даже самим философам» (175). В доказательство того, что глаголы появились после имен, приводятся факты из наблюдений над детской речью и над расстройством речевой деятельности. «Мы видим, что дети высказывают имена и частицы, но умалчивают глаголы, так как имена пробуждают идеи, оставляющие прочные следы, как и частицы, означающие модификации этих имен; глаголы же обозначают движение, несущее в себе «до» и «после», измеренное невидимым настоящим» (185). «Одно физическое наблюдение,— пишет Вико,— сильно подтверждает сказанное нами: среди нас, живущих, один почтенный человек под влиянием тяжчайшей апоплексии упоминает имена и совершенно забыл глаголы» (175). То, что при афазии (один из видов расстройства символической деятельности) навыки, приобретенные в последнюю очередь, в первую очередь стираются из памяти, было доказано Р. Якобсоном путем исследования процесса усвоения и утраты звуков языка у детей и у больных-афатиков, проведенного на большом фактическом материале. Вико строит свое доказательство всего лишь на одном «физическом наблюдении». Как справедливо отметил он сам, правда, совершенно по другому поводу, «для слабо развитого сознания (имея в виду, конечно, определенную историческую ступень развития) достаточно всего одного подобия, чтобы быть убежденным» (154). Говоря о происхождении глагола, Вико считает, что все они произошли из односложных приказаний, побуждающих к действию, что согласуется с общей схемой первоначальной привязанности слова к речевой ситуации. В самом деле, в повелитель-

²⁷ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 288.

²⁸ Таким образом, в концепции Вико язык первоначально возникает как система чистых отношений (?).